

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ, поэт, директор Международного центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, сопредседатель Совета старейшин Ассамблеи народов мира

ПОСЛЫ СВОЕЙ ЗЕМЛИ

26 мая состоялся Международный форум сближения культур Евразии «Посол своей Земли», посвященный 90-летию Олжаса Сулейменова. В нем приняли участие заместитель Премьер-министра РК Аида Балаева, Генеральный директор ЮНЕСКО Халед аль-Анани, Генеральный секретарь ТЮРКСОЙ Султан Раев, специальный представитель Президента РФ Михаил Швыдкой, Государственный советник Татарстана Минтимер Шаймиев, председатель Совета Ассамблеи народов мира Светлана Смирнова и многие другие государственные и общественные деятели, ученые и литераторы со всего мира.

Открывая форум, президент Академии журналистики РК Сагымбай Козыбаев произнес: «Великий рождается раз в столетие. Мы будем презирать те века, которые не создали ни одного гения. Нашему веку повезло! У нас есть Олжас!» Сегодня мы предлагаем читателям статью самого Олжаса Омаровича Сулейменова, в которой он подводит итоги форума, а также размышляет о времени и о себе.

...Прошли юбилейные форумы и концерты, презентации книг и фильмов. Казахстан принимал делегатов из Баку, Москвы, Казани, Бишкека, Душанбе, Шанхая, Парижа, Якутска, Сан-Паоло. Ученые, литераторы и политики со всего мира были рады участвовать в этом празднике нашей культуры.

Я слушал каждое выступление, по-своему обобщавшее произведение жизни не только одного автора. Нашему поколению досталось удивительное время. И свершениями, и трагедиями великое. Но и минутами, которые заставили меня поверить в то, что я – достойный сын своей матери. Сын своего народа, пережившего это почти столетие.

...В 1987 году на всесоюзном уровне отмечалось 90-летие Мухтара Ауэзова. На конференциях в Москве и Алма-Ате с приветствиями выступали секретари ЦК КПСС, руководство Союза писателей СССР, высшие руководители нашей республики. Меня попросили выступить с основным докладом по биографии классика. Я рассказывал о времени, когда целые плеяды писателей уничтожали доносами (привычка, от которой мы до сих пор не можем избавиться). О десятилетиях, когда на этой земле испытывали не только ядерные бомбы, но и целые народы. Выжившие закалились. Но почти всех сколько-нибудь значи-

мых литераторов и политиков расстреляли. Среди них чудом уцелел Мухтар Ауэзов. Все его товарищи погибли, а он как пайгамбар остался, чтобы помочь нашему народу наконец обрести себя.

Я помню, как в 1954-м, выступая на съезде писателей, первый секретарь ЦК Казахстана Пантелеймон Пономаренко говорил, обращаясь к бывшим руководителям печати и науки: «Вы обязаны были искать и поднимать одаренных людей... А вы – то немногое, что имели, выводили из строя. Замахиваясь на них, вы били по будущему народа...»

И обычно невозмутимый Сатпаев, только накануне вернувшийся из Москвы, где скрывался от преследований на родине, сидя в зале, не сдержался, закрыл лицо руками. Плакали вдовы тех, кто в 37-м ушел и не вернулся.

1987-й в Казахстане называли «малым 37-м». После декабря 1986-го шли аресты. На пленуме ЦК заговорили о «культе личности Кунаева». Он сидел в центре заполненного зала один – как на скамье подсудимых. Места рядом с ним и вокруг были пусты. И те, кто еще вчера, задыхаясь от волнения, пели ему осанну, сегодня рвались на трибуну, чтобы успеть бросить в него свой камень. Меня мама воспитывала пословицами: «Когда волк бросается на горло, твоя собака хватается тебя за штаны». Кунаев уже не мог защитить меня, как в 76-м, после «Аз и Я». Теперь я, защищая его, спасал и свое достоинство.

Я взял слово и спросил: «Что с вами случилось, товарищи члены ЦК? Раньше каждый из вас считал за честь приблизиться, поздороваться, попасть на одну фотографию с Димеке, а теперь шарахаетесь. Вы в нем ошиблись? Или он в вас?»

Я сошел с трибуны и занял пустое кресло возле Димаша Ахмедовича. После этого Пленум ЦК поручил парткомиссии окончательно разобраться с Сулейменовым. В «Казахстанской правде» вышла статья «Общественное мнение», где говорилось: «Сулейменов как крутил Центральным комитетом, так и продолжает, как пользовался вседозволенностью, так и пользуется...»

Позже я интересовался: «Что же вы не следите за своим печатным органом? Разве Центральный комитет хвост, чтобы им крутить?»

Общественное мнение уже готовили к моему аресту. Мне передали совет Кунаева: «Это последнее предупреждение. Улетай в Москву».

Всегда думал, что у меня много друзей – со сколькими писателями общались! Но в те дни их почти не осталось. И в этой пустоте неожиданно раздался голос в мою защиту – голос писателя Юлиана Семенова. Как раз накануне моего приезда в Москву в Центральном доме работников искусств проходила встреча Юлиана с поклонниками его творчества. Из зала ему поступила записка: «Что вы думаете об Олжасе Сулейменове? Как относитесь к статье в “Правде”, где он упоминается?»

Ни секунды не раздумывая, он ответил: «Этой газеты я не читаю. Но знаю: Олжас – это алмаз. А к алмазу грязь не пристаёт!»

У Юлиана был обширный круг знакомых в КГБ и ЦК КПСС. В Москве благодаря ему я встретился с нужными людьми и сделал все, чтобы помочь Кунаеву и отстоять памятник ему в центре Алма-Аты, снос которого планировался как итог антикунаевской кампании. Через некоторое время я смог вернуться в Алма-Ату.

С Юлианом мы договорились поддерживать тайную связь через Юру Пикунова. Я оставил Юлиану телефонный номер, по которому мы созванивались в назначенный день и час, не называя имен.

Шли недели. И вдруг однажды поднимаю трубку и слышу ликующее:

– Олжас! Можешь передать Димашу Ахмедовичу – все обвинения с него сняты!

– Старик, мы же договаривались – без имен!

– Ничего, пусть эти сволочи слушают! Можешь Димашу Ахмедовичу сказать, что больше его трогать не будут. И памятник не тронут! Это я тебе говорю!

Так нам, писателям, удалось отстоять Кунаева и памятник, которым мы сегодня гордимся. Вскоре при поддержке одного судьи нам удалось добиться и освобождения студентов – осужденных участников декабрьских событий 1986 года. А через некоторое время отменили и Постановление ЦК о запрете и осуждении книги «Аз и Я». Книга была переиздана 200-тысячным тиражом. На полученный гонорар я купил возвращавшимся из тюрем студентам восемь однокомнатных квартир.

Моя мама учила: больше отдавай, а не бери, тебе вернет Бог. Так и живу до сих пор. Писатель – тот, кто не может не поделиться с другими тем, что приобрел, узнал, почувствовал. Его высшее предназначение – сближать, соединять. Это легче и правильнее, чем разделять и раскалывать. И для обществ наших полезней именно такие устремления.

От этих убеждений я не отступал никогда. Может быть, благодаря им мне удалось добиться в Верховном совете СССР принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов». Я имел на это право как сын земли, ставшей большим приютом для народов, которых лишили Родины.

Когда я выступил с таким предложением, из зала поднялся юрист и заявил: «То, что вы предлагаете, – юридически неграмотно. Реабилитировать можно отдельную личность, но не целые народы!»

Я ответил: «Значит, репрессировать целые народы можно, а реабилитировать нельзя?»

За закон проголосовали сразу – и через некоторое время приняли. О таких эпизодах нужно рассказывать и нынешним депутатам.

Тогда же мы создали движение «Невада – Семипалатинск», самую многочисленную фракцию в Парламенте «За безъядерный мир», Глобальный анти-ядерный альянс в штаб-квартире ООН и провели Всемирный конгресс «Избиратели мира против ядерного оружия», где я отказался от Нобелевской премии мира, пока на Земле гремят ядерные взрывы.

Отвечая на выдвижение, я поднял над головой раскрытую ладонь и сказал: «Это жест нашего движения, протест против пяти полигонов Земли. За молчал пока только один. Мы должны остановить и все остальные! Когда это случится, мы сами придем в Нобелевский комитет и потребуем свою премию!»

И нам это удалось. Народ Казахстана остановил испытания на пяти ядерных полигонах планеты! В своем последнем интервью, которое он давал мне, академик Сахаров назвал это «экзаменом человечества на способность выжить».

Таких поступков было достаточно. Об этом напоминают и слова Президента Азербайджана Ильхама Алиева, опубликованные в эти дни в широкой печати: «Как великий поэт, публицист, литературовед и исследователь, вы являетесь одной из самых влиятельных личностей тюркского мира. Каждое новое произведение, которое вы создавали, веря, что планетарное сознание формируется на основе национальных ценностей, становилось культурным событием. Ваш богатый жизненный путь, как и блестящая литературная личность, является примером бескорыстного служения родине и народу. Ваша искренняя поддержка справедливого дела Азербайджана придает нам моральную силу».

Только вместе, поддерживая друг друга, восходим мы на свою высоту. Этой формуле взаимозависимости, которая работает в жизненном опыте и отдельных личностей, и народов, и государств, был посвящен Форум сближения культур Евразии «Посол своей Земли», организованный на самом высоком

уровне при поддержке Фонда Булата Утемуратова.

Все делегаты обсуждали эту тему. Мы видим, как, пройдя первые потерянные десятилетия XXI столетия, человечество начинает сомневаться в понятиях, которые проявляются в истории большой кровью. Установление зависимости, борьба за независимость, новая зависимость и борьба — все это было и бесконечно приводило к кровопролитию. Братские и близкородственные народы, получив независимость, не успев укрепиться как государства, начинали делить земли, отменять языки. И нескольких воспаленных голосов хватало, чтобы начать войны, которые продолжаются уже не одно поколение.

Взаимозависимость — очень ясное, естественное и миролюбивое слово.

Каждый взаимозависим от другого. Вся жизнь построена на этом. «Зависимость» или «независимость» должны быть вычеркнуты из международных отношений как пережиток. Они устарели уже давно. Их признаки — горы трупов в каждую историческую эпоху. Этими лозунгами увлекали и уничтожали целые народы.

Зависимость или независимость? Нет такого выбора. У человечества есть только один выбор — взаимозависимость. Мы состоялись как государство. Дальше нам предстоит развиваться, следуя формуле, открытой после всех испытаний XX века: от веков зависимости через период независимости к эпохе осознанной взаимозависимости.

Эта формула — не догадка одиноких интеллектуалов. К ней народы привела история. В языке политиков она должна звучать как азбука и работать как таблица умножения. Только тогда народы перестанут делиться так смертельно.

Успеем ли мы, писатели, помочь человечеству поверить и осознать этот естественный закон жизни? Должны, пока еще не совсем поздно.

Больше 30 лет назад независимость в социальных явлениях распространилась и на книгу, породив в обществе независимость от книги. Литература перестала быть профессией. И появилось нечитающее поколение. В мире начал воспитываться не *Homo sapiens*, а *Homo erectus*, рвущийся на самые вершины власти.

Может быть, мы были обречены пройти и это испытание — стать свидетелями деградации культуры и не заметить, как человечество постепенно или стремительно уничтожит себя в одной из мировых войн.

Следующие десятилетия должны стать временем взаимозависимости книги и нации.

Я был рад узнать, что Президент Касым-Жомарт Токаев подписал Указ о возрождении читающей нации, и Правительство Казахстана уже приступило к его выполнению. Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, которым я руковожу, последовательно поддерживает и развивает эту идею.

Я также приветствую планы Министерства культуры и информации переиздать мою книгу «Аз и Я» в этом году. Книгу, оказавшую влияние на самосознание нескольких читающих поколений Евразии. Не многие авторы могут сказать такое о своих произведениях.

И это переиздание должно осуществиться в строгом соответствии с авторским правом, которое сейчас приходится утверждать.

В этом мне поможет мой заместитель по науке – Игорь Крупко, делающий все для того, чтобы наши идеи, исторические материалы и новые книги становились фактором общественного сознания.

После 1991 года мы забыли, что такое гонорар. Книги уже давно приносят авторам только чувство выполненного долга и надежду, что их произведения найдут своего читателя. Уверен, благодаря новой культурной политике и уважению к интеллектуальной собственности постепенно возродится культура чтения, а к авторам вернется понимание того, что их работа нужна и достойно оценивается. Тогда и начнут появляться новые гении.

Сейчас большую работу по поддержке нашей культуры проводит Фонд Булата Утемуратова. Издание книг, создание культурных центров, реставрация музеев, подготовка аутизм-центров, озеленение дна Аральского моря – все это должно получить мировую огласку и самую высокую оценку.

Свою важную миссию выполняют Евразийский фонд культуры под руководством Ерулана Канапьянова и Фонд Meirimdi qala, поддерживая общественно значимые проекты, необходимые для будущего страны.

Пусть все эти проекты получают достойное развитие! И наша культура будет звучать гордо на весь мир, как это было раньше. Только решительные действия государства помогут народу Абая и Мухтара сохраниться как читающая нация.

Такого будущего я желаю моему Казахстану. С этим призывом я обращаюсь сегодня ко всему человечеству.

«Казахстанская правда», 17.06.2026

Светлана АКСЕНОВА-ШТЕЙНГРУД ПРИГЛАШЕНИЕ В КОСМОС ОЛЖАСА

Дорогой Олжас, Олжеке – с юбилеем! Я вдруг подумала, что на этом свете осталось мало людей, которые говорят тебе ТЫ. И нет в этом обращении вульгарной фамильярности, панибратства (я с Пушкиным на дружеской ноге), а есть изумленная благодарность судьбе, одарившей дружбой с Таким уникальным человеком. И потому в твой юбилейный год хочу написать тебе письмо. Очень

личное – о счастье общаться с тобой, сохранить дружбу – сквозь годы, города, расстояния, испытания – вот уже (поверить не могу!) больше шестидесяти лет! И в то же время письмо адресовано твоим читателям, почитателям, нынешним и будущим, которым еще предстоит радость знакомства с твоим уникальным

творчеством. Я с трудом подавила искушение заполнить письмо только цитатами из твоих книг, потому что об Олжасе Сулейменове лучше, чем сам Олжас, не расскажешь. Письмо это – скромное приглашение в космос твоего творчества, в увлекательный мир приключений твоего пытливого ума, твоих глубоких научных исследований, обожженных молнией открытий. «Каждому племени нужен один человек, ушибленный звездой», – эти твои слова очень точно говорят о тебе самом – «ушибленном», озаренном светом звезды...

Наверное, это единственный случай в мировой истории, во всяком случае в 20 и 21 веке, когда еще в юности поняв свое предназначение, свою миссию, человек уже больше семидесяти лет верен самому себе не только в творчестве, но и в жизни, в общественной деятельности, в разнообразных государственных службах, которые можно назвать служением. Блистательные стихи, научные книги, руководство творческими казахстанскими союзами – писателей и кинематографистов, движение за прекращение ядерных испытаний «Невада – Семипалатинск», депутатство в Верховном совете СССР, должности посла Республики Казахстан в Италии и посла Казахстана в ЮНЕСКО (Париж), организация под эгидой ЮНЕСКО Международного центра сближения культур, директором которого ты являешься, и еще огромное количество дел и начинаний – всё это пазлы, которые складываются в единое пространство цельной Личности, имя которой – Олжас Сулейменов. В юности ты осознал и сформулировал свою миссию:

*Если ты человек,
сотвори себе имя,
и, быть может, оно
станет символом племени.*

Твое имя стало символом не только твоего народа, но и символом всего человеческого племени. А если точнее – самого высокого и лучшего, что есть в человеке. Наша цивилизация не оказалась бы на грани самоуничтожения, если бы в кабинете каждого лидера каждой страны висела выстрадавшая тобой, повторяемая как мантра – из года в год, из десятилетия в десятилетие четкая формула: «У человечества есть только один выбор – взаимозависимость. Это единственное возможное будущее». Какие ясные и простые слова! И как сложно осуществить их! Ты, Олжас, Рыцарь, но не печального образа, а высокой идеи, и борешься не с ветряными мельницами, а с реальным злом. И не случайно ты подружился в Москве с другим Дон-Кихотом, Андреем Дмитриевичем Сахаровым, бывшим в горбачевское время, как и ты, депутатом Верховного Совета СССР. Когда Сахарова сослали в Горький, я посвятила ему стихи. Узнала адрес и (наивная нахалка!) послала по почте. Но попали они не к Сахарову, а... понимаешь куда. Меня строго предупредили, но отпустили. В стихах были такие строки:

*Странник, странный человек,
гражданин Всея вселенной,
с этой страстью неизменной –
к невозможным переменам –
всё равно, в который век.*

Спустя много лет я осознала, что они навеяны не только личностью и мужеством Андрея Дмитриевича, но и твоей поэмой «Земля, поклонись человеку».

Алма-Ата. Апрель 1961 года... Через несколько дней после полета Гагарина в космос вертолет разбрасывал с неба отпечатанные в типографии листки с твоими стихами. Разве есть в мире еще один город, где ТАКОЕ могло случиться?!

Нет, конечно! Потому и сегодня, спустя много десятилетий, сменив города и даже страны, повторяю вслед за тобой: «Мой город во Вселенной знаменит, тем, что другим его не заменить»... Пышно цвел урюк, и его бело-розовые лепестки, вместе с белыми и розовыми листовками поэмы, кружились над нашей прекрасной Алма-Атой, над утопающими в зелени домами, над площадями с фонтанами и стройными улицами, убегающими к снежным вершинам Алатау, предгорьям Тянь-Шаня. Помню себя, школьницу, поймавшую один листок и с восторгом читающую:

*Люди!
Граждане всей Вселенной!
Гости Галактик!
Хозяева шара!
Вы не хотите
 пропасть бесследно!
Живите, живите,*

*Живите с жаром!
Живите, люди!
Живите, люди!
Вы совершили свой первый подвиг,
Преодолели земную тягость,
Чтобы потомки это запомнили –
Преодолейте земные тяжбы.*

Это страстное, острое ощущение – «Граждане всей Вселенной», это заклинание: «Преодолейте земные тяжбы» ты пронес через всю свою жизнь. Читаю в книге твоих воспоминаний «Так было»: «1989 год завершился печальным событием. 14 декабря мы с Андреем Дмитриевичем Сахаровым возвращались из Кремля. Он проводил меня до гостиницы "Москва", где я жил. Мы поднялись в мой номер. А там стояла группа невадовцев с киноаппаратом. Ораз Рымжанов и Володя Рерих, наша съёмочная группа. И мы решили записать интервью с Сахаровым на киноплёнку. И часа два записывали... Часов в 9 вечера мы закончили, и я проводил его до машины. Напоследок он сказал: "Завтра не опаздывайте! Завтра – главное голосование! Мы должны голосовать против власти КПСС". Я ответил: "Хорошо, придем – проголосуем". И всё. Через пару часов у него случился удар. И он ушел. 18 декабря его провожал стотысячный митинг. В президиуме был Ельцин, Юрий Николаевич Афанасьев, несколько физиков, его друзей, вдова Андрея Дмитриевича. Все высказались. Я тогда сказал: "В ссылке он жил в Горьком, в поселке Щербинка. И таких щербинок на совести нашей власти оказалось много. Одна из них будет носить имя Сахарова"».

И у меня, Олжас, есть грустные воспоминания о тех днях. Я уже девять лет жила в Москве, была членом Совета писательской организации «Апрель», подружилась с известной правозащитницей, писателем, киноведом Аллой Гербер, и она пригласила меня на закрытый показ в Доме кино фильма Клода Ланцмана «Шоа». Этот фильм, выпущенный во Франции в 1985 году, получил много международных призов, но в Советский Союз, несмотря на горбачевскую гласность, его «не пущали». Андрей Дмитриевич Сахаров долго добивался показа фильма в Москве. Когда, наконец, разрешили этот единственный показ, Сахаров должен был выступить перед началом просмотра – в первый день, ибо фильм, длившийся, вместе с переводом, почти десять часов, шел два дня. В фойе было непривычно тихо, горели свечи. Я вначале подумала, что это в связи с фильмом о Шоа – катастрофе европейского еврейства. Но обычно зажигают шесть свечей – в память об уничтоженных шести миллионах. Свечей было слишком много... Зашли в зал и услышали: Андрей Дмитриевич не выступит, он скоропостижно скончался. После трагического известия – трагический фильм, хотя в нем не было архивной хроники и фотоматериалов страшных лет войны, а интервью, снятые в четырнадцати странах, звучавшие на идиш, иврите, польском (в переводе), английском, немецком, французском (с субтитрами). Интервью с выжившими узниками концлагерей – Аушвица (Освенцима), Треблинки, Терезиенштадта, с их детьми, интервью с немецки-

ми охранниками, с бывшими офицерами Вермахта, с польскими крестьянами, интервью с жертвами, преступниками, их пособниками и просто – равнодушными свидетелями трагедии. Мы с Аллой вышли после просмотра ошеломленные и долго молчали. А потом я прочла ей отрывки из твоей поэмы «От января до апреля», которые помнила наизусть. Поэма была написана до знаменитого «Бабьего Яра» Евтушенко и опубликована в республиканской молодежной газете «Ленинская Смена» в том же 1961 «гагаринском» году, а потом – в сборнике стихов «Доброе время Восхода», выпущенном издательством «Жазушы». И больше нигде не переиздавалась. Поэтому Алла ничего о ней не слышала. У нее на глазах выступили слезы, а я редела навзрыд. Твои строки прозвучали как катарсис, они помогли нам выплеснуть огромное напряжение, которое сдерживали во время просмотра фильма:

*...Спокойные, простые гимны гетто.
Армянский «двин», пронзительные вина,
сивухи, водки – вам бы горечь эту!
Гортанный звук, настоящий в веках,
в объемах уязвимых души еврейских,
звук, разбивающий любой бокал,
звук, черноглазый, как Христос на фресках,
распятый, на губах девчонки корчится.*

*Ему не больно, больно нам двоим.
Ей – онеметь,
а мне оглохнуть хочется.
Не очень сладко жить ушам моим.
Под эту песню на гортанном идиш
я шел в снегу по пояс между соснами,
я шел путем, который не увидишь,
пока не станешь на него подошвами.*

(Поскольку цитирую отрывки из поэмы, поясню: речь о пути, которым шли литовские евреи – из гетто местечка Панеряй к месту, где их расстреляли). И вот еще один отрывок:

*Вчера Ватикан (о великое время!)
Реа-били-тир-овал еврея.
Оказывается, не евреи распяли Христа.
Зря на кострах вас палили испанцы и немцы!
Зря построили, зря, Бухенвальд и Освенцим!
Зря громили тамбовские цезаря!
Всё доказано, радуйтесь, это – зря!
Зря сегодня вы скажете: были святыми.
Мир несчастный не любит несчастных людей.
Веселитесь, ликуйте, чтоб быть любимыми,
Радуйтесь, радуйтесь, иудеи!*

Мои родители чудом избежали Шоа: мама, папа, бабушка, моя старшая сестра, двухлетняя Рита уехали из украинского города Коростень утром, последним поездом, а днем в город вошли немцы. Я родилась после окончания войны на благословенной земле Казахстана, приютившей десятки тысяч добровольных беженцев, а также ставшей убежищем для сосланных Сталиным народов – чеченцев, ингушей, немцев Поволжья и – узников сталинских концлагерей. И надо быть великим сыном своей земли, своего гостеприимного народа, чтобы ТАК чувствовать боль других народов:

*Страна,
Ты прошла испытания Казахстаном –
Есть сегодня земля,
На которой крестам не расти.
Испытали Тараса.
И Федора испытали.*

*Петроград, прости,
Ленинград, мою землю прости.
Казахстан – это проводы,
провода колючая,
это было – Саратов и Киев,
и снова Саранск.*

*Это ссылки на Маркса,
кочевья, театры и лучшие
копи и домны,
Турксиб, просто Сиб. И жара.
Я хотел бы родиться в горах
и не зваться казахом,*

*или жить в белой хатке,
коров по оврагам пастби.
Всё равно –
Привезли бы меня в Джезказган
вагонзаком.
Украина, прости,
О, ингуш, мою землю прости!*

Но, попросив прощения от имени Казахстана, который «огромною каторгой плавал на маленькой карте», ты прекрасно понимал, что нет в этом вины твоей земли, на которой – не только Гулаг:

*Вся земля в проводах, космодромах,
гектарах и станциях,
если дождь – это ливень,
а ветер – так суховей,*

*своих всё испытывавших,
страна, назови казахстанцами,
своих самых испытанных,
преданных сыновей.*

«Мы – твои однолюбь» – это признание в любви, произнесенное более полувека назад в поэме «Дикое поле» – подтверждено всей твоей жизнью. Но для тебя, личности планетарного масштаба, с планетарным сознанием, родина – не только Казахстан, но и вся Земля, наша голубая планета. В эпиграфе стихотворения «Айналайн» ты говоришь:

*Обращение к дорогому человеку – айналайн.
«Кружусь вокруг тебя» – подстрочный перевод.
«Принимаю твои болезни» и «Любовь моя» –
Смысловые переводы.*

Как много смыслов у этого казахского слова! И как по-сыновьи нежно звучит:

*Кружись, айналайн, Земля моя!
Как никто,*

*я сегодня тебя понимаю,
все болезни твои
на себя принимаю...*

И что удивительно – эти строки, как и те, которые сейчас процитирую, написаны молодым человеком:

*...в Москве, в горах, в ауле –
всё равно –*

*спасти кого-нибудь
доверь мне радость.*

Или вот это:

*Зайди в мой дом,
со мною подыши.*

*Открой себя, как открываешь двери,
сними одежды пыльные с души,
доверься так, чтобы тебе доверить...*

Ты одарен уникальным благородным даром – остро чувствовать боль другого – человека, народа, страны как свою собственную, принять на себя чужую боль, спасти... Мы, твои знакомые и друзья, знали: если потребуется, ты всегда придешь на помощь каждому из нас, рискуя собственным благополучием. К сожалению, это нередко требовалось, и твоя поддержка всегда была быстрой и действенной. Я сейчас не стану вспоминать подробности, связанные с «Аз и Я», поскольку уже писала об этом в прошлом году, когда была удостоена чести быть приглашенной на празднование пятидесятилетия этой великой книги. Хочу только еще раз подчеркнуть: нужна была удивительная отвага, чтобы защитить нас всех, причастных к ее изданию. 1975 год. Махровый советский застой. А на столе у Суслова, секретаря ЦК КПСС по идеологии, этого серого кардинала «империи зла», лежала не только твоя книга, которую шельмовали и запрещали, но и наша с незабвенной Рашидой Зуевой (блестящим лингвистом, доцентом университета) рецензия. Суслов требовал немедленной и суровой расправы.

В те времена сажали и за намного меньшие «преступления», чем единственная тогда положительная рецензия на книгу, названную антисоветской, обвиненную вдобавок в казахском национализме и... сионизме. И, хотя в ЦК КПСС доложили, что меры приняты, мы отделались легким испугом.

Твой дар сочувствия проявляется не только к человеку. Люди, звери, птицы, деревья, травы – всё живое на земле одухотворено взглядом поэта – внимательным и любящим. Вот несколько примеров из разных стихотворений.

«Ты собаку удари!»:

<i>Не положено бить</i>	<i>и собак –</i>
<i>детей</i>	<i>по закону степеней.</i>

«Волчата», где охотник видит убитую кем-то волчицу и волчат:

<i>Он был волчатник,</i>	<i>Волчат уже</i>
<i>Но волчат не тронул –</i>	<i>Не защищала мать.</i>

«Карагач»:

<i>Смотри –</i>	<i>вцепившись корнями</i>
<i>над курганом,</i>	<i>в сердце мое,</i>
<i>где ветер поет,</i>	<i>шатаясь, стоит карагач.</i>
<i>где слышится волчий плач,</i>	

Хочу процитировать полностью одно из твоих пронзительных стихотворений:

<i>Над белыми реками</i>	<i>с медленной стаей утиной</i>
<i>стаи</i>	<i>покинула родину Птица Спокойствия.</i>
<i>летят,</i>	<i>И сизые перья осели на реки,</i>
<i>как черные хлопья</i>	<i>ушла, я боюсь, что устанет, устанет,</i>
<i>сгоревшего лета,</i>	<i>останется там,</i>
<i>летят, развеваясь,</i>	<i>где навеки, навеки</i>
<i>как черные ленты,</i>	<i>я сам бы остался.</i>
<i>летят мои утки,</i>	<i>Наверно, остался.</i>
<i>куда захотят.</i>	<i>...Весною восходят они</i>
<i>Озера соленые, сладкая тина,</i>	<i>из-за гор,</i>
<i>чебак африканский,</i>	<i>лучами тяжелыми</i>
<i>негорький,</i>	<i>первые клинья,</i>
<i>бескостный!...</i>	<i>устало вонзая потертые крылья</i>
<i>Мне кажется –</i>	<i>в прозрачный и вязкий</i>
	<i>воздушный раствор.</i>

В этом небольшом лирическом стихотворении столько смыслов! Я не только слышу слова, но и вижу картинки, словно снятые цепким глазом кинооператора кадры, любуюсь птицами, завидую их свободе – улететь, куда захотят, остаться, вернуться... Наша молодость, да и зрелые годы, прошли в несвободное советское время, «за железным занавесом». Правда, избранные, к числу которых ты принадлежал, разъезжали по миру. Но разве это была подлинная свобода, если каждая поездка, каждая делегация утверждались компартией и КГБ?! Однако речь идет и о другой свободе, которой нет ни у кого из людей – взмахнуть руками, словно крыльями, взлететь, как птица... Человек, конечно, летает, даже в космос – на сконструированных им самолетах и ракетах. Но это не он сам, это его поднимают в небо, от которого он прочно отгорожен и которое видит только в окно иллюминатора. Хотя в старых советских самолетиках (а я бывала их пассажиркой, работая в «Ленинской Смене»), в этих «кукурузниках», с маленьким телом, вмещающим двух человек, и длинными крыльями, было похожее чувство, особенно когда вместе с самолетом «проваливалась» в воздушную яму. Но

настоящее чудо полета случается только во сне: я взмахиваю руками, и вдруг поднимаюсь и лечу – не высоко, а над полями и садами, и «подкатывает к горлу ком – знак совершенства» (твои строки о любви). Я лечу, сменяются пейзажи, а вддали всегда видны снежные вершины Алатау, до которых не долетаю – просыпаюсь раньше. Этот сон повторяется, где бы я ни жила, но снится, увы, всё реже и реже... А если говорить о внутренней свободе, она была у тебя всегда. Она диктовала тебе слова и поступки. Впрочем, в мире Сулейменова:

*Слово – медленный блик
человеческого поступка,
Высоту, глубину
и цвета извергает язык.*

*Повторятся в словах и глоток
И удар,
И улыбка,
Стук копыт через век
И наклон виноградной лозы.*

В предисловии к «Аз и Я» ты пишешь: «Разгребая взглядом Пыль, угнетающую Истину, мы узнаем их Силу». (Местоимение «их» относится к трем подчеркнутым существительным.)

Ты, конечно, провидец, поскольку написанное много лет назад, звучит так, будто сказано только что:

*Все несвободнее свобода,
она сегодня нарасхват –
кинозвезда, словечко, мода,
цветастый задник для эстрад,
жизнь превращается
в живот,
фронт – в безобидное фрондерство,
свобода –*

*это не позерство,
а как и прежде –
эшафот,
где ни приятельства,
ни дружбы,
великая до униженья,
Свобода требует не службы –
Служенья.*

Для тебя в этих словах – смысл жизни. И не случайно слова Свобода и Служенье написаны с большой буквы.

В нашем диалоге «Простая круглая звезда», опубликованном в 1985 году в московском журнале «Литературное обозрение», ты мечтал, что Со-чувствие, Со-страдание, Со-участие, Со-звучие, объединение племен и народов станут возможны через 20–30 лет. Но когда через 30 лет, в декабре 2015 года, мы встретились в Иерусалиме, гуляли по Старому городу, выпивали в одном из ресторанов, я напомнила тебе наш давний диалог. И ты с грустью заметил, что мир пришел к противоположному – войнам и вражде даже между близкими народами. Протицирую отрывок из нашего разговора: «Любой национализм – путь к разрушению и саморазрушению. Когда-то, на одной из конференций по национально-освободительному движению стран Азии и Африки, я изложил формулу Дороги: от веков зависимости – через период независимости – к эпохе осознанной взаимозависимости. Я в Казахстане постоянно об этом говорю. Получая независимость, люди уползают в нее, как черепахи – в панцирь. Да, независимость важна для национального духа, но мы должны осознавать свою взаимозависимость – с соседями по региону, с соседями по планете, со всеми людьми. Тогда мы будем частью большого организма, который называется человечеством».

С юбилеем, Олжас! Спасибо, что ты озарил мою жизнь, как и жизнь многих людей, верой, что вопреки всем войнам, ненависти, насилию

*Нет Востока,
И Запада нет.
Есть
Восход и закат,*

*Есть большое слово –
ЗЕМЛЯ!
Большое на всех языках.*

Спасибо, что сформулировал этику поведения:

<i>О чем эта дорога?</i>	<i>Не всем, кто ждал, помог,</i>
<i>Если прав, будь с гордым горд:</i>	<i>Ведь я не бог.</i>
<i>Он не отец пророка,</i>	<i>Что в силах одинокого поэта?</i>
<i>Будь с робким робок: он тебе не раб.</i>	<i>На все вопросы не нашел ответа,</i>
<i>Я так и поступал, клянусь, дорога.</i>	<i>Но людям я не лгал, хотя и мог...</i>

Спасибо, что четко выразил свою гражданскую позицию в стихах о декабристах:

<i>На карте времени</i>	<i>жить на Конюшенной,</i>
<i>я укрупню масштаб,</i>	<i>глядеть с моста,</i>
<i>чтобы увидеть главное попроще –</i>	<i>не быть прохожим на Сенатской</i>
	<i>площади.</i>

Спасибо, что, написав «Быть и казаться – общий наш удел», ты выбрал трудное бремя – Быть!

Спасибо за то, что Алма-Ата, мой самый любимый город на свете, связан с тобой. Спасибо, что вдохновил меня на многие строки, в том числе эти:

<i>Там церковь, мечеть, синагога</i>	<i>и вера в единого Бога,</i>
<i>не знают вражды – на века,</i>	<i>как летняя ласка – легка!</i>

Спасибо, что из всех рас, населяющих нашу планету, ты ненавидишь только одну, и в ней есть представители всех национальностей:

<i>...в темных углах души</i>	<i>Серый взгляд</i>
<i>собирается серость, как сырость.</i>	<i>проникает в сердце,</i>
<i>Белый стреляет в черного?</i>	<i>пронзительный, волчий.</i>
<i>Серый стреляет.</i>	<i>Узнаю вас по взгляду,</i>
<i>Черный стреляет в белого?</i>	<i>серая раса – сволочи.</i>
<i>Серый стреляет.</i>	

Спасибо, что всю жизнь пытаюсь научиться у тебя мудрости – «возвысить степь, не унижая горы».

Спасибо, что ты продолжаешь верить и по-рыцарски бороться за человеческое в человеке. Вопреки тому, что уже шестьдесят лет назад с горечью писал об эпохе, в которой «превращают в выжженное поле не только леса, горы и города, но и души, судьбы людские и культуры». Сегодняшний мир, как никогда прежде, приблизился к краю пропасти, а ты продолжаешь созывать конференции, писать книги о взаимовлиянии культур и народов. Ты продолжаешь быть верным своему призванию, своей миссии. Больше полувека назад ты писал: «Устарел афоризм: “Поэт – защитник своего народа”. Мы, переживая заново горький опыт предков, приходим к другому – защитник людей».

И сегодня, обращаясь к молодому поэту, уточняешь: «Мы начинаем прозревать, понимая, что растем по мере возрастания души. Когда она способна вместить все страдания мира, тогда и происходит Человек». И рождается поэт, который по праву может сказать о себе:

*По азимуту кочевых родов,
по карте, предначертанной
историей,
по серым венам
древних городов
я протекаю бурой каплей
донора.*